

Готэм изменился. Или, вернее сказать, это место больше не было прежним Готэмом.

Толпа двигалась упорядоченно и чинно. С некогда буйных улиц исчез привычный грохот бьющегося стекла — его сменил едва слышный шелест шагов. Люди переговаривались неохотно, почти шепотом.

Тишина, порядок и давящее удушье.

— Бэтмен мертв! Бэтмен мертв! Власть Режима незыблема! — кричали газетчики в переулках, швыряя пачки свежей прессы в воздух.

Людское море на мгновение замерло. Время словно остановилось, движения застыли. Затем вспыхнул ропот — короткая суматоха, которую быстро и жестоко подавили патрульные отряды Гвардии Режима.

Люди лишь провожали взглядами медленно опадающие листы бумаги. В их глазах застыло тупое оцепенение. Хриплый рев матюгальников погнал их дальше, заставляя возобновить унылое шествие.

— И кто теперь займет место Бэтмена среди Лордов? — донесся тихий шепот из толпы.

— Говорят, второй сын Бэтмена — Белый Ворон.

— Тот самый, что, как и Супермен, с головы до ног рядится во все белое.

Сатору Годжо не стал надевать ту нелепую белую форму, которая стесняла движения и вызывала у него глухое раздражение.

Рядиться с ног до головы в стерильно-белое тряпье — сомнительное удовольствие. Подобное извращенное чувство вкуса под силу лишь Супермену, который готов носить это недоразумение целыми днями. Нормальный человек на такое добровольно не подпишется.

Поэтому Сатору выбрал простую повседневную одежду и мягко опустился на землю.

Это были руины психиатрической лечебницы Аркхем — места, куда Бэтмен, в бытность свою мрачным ночным мстителем, стаскивал городских сумасшедших.

С точки зрения Сатору, толку от этого заведения всегда было мало. Стабильно раз или два в год кто-нибудь из местных обитателей сбегал, чтобы устроить очередное кровавое шоу.

Хруст.

Под подошвой Годжо звякнул осколок стекла. Он на секунду замер, приподняв ногу, а затем опустил ее обратно. Видимо, уцелившая деталь какого-то разбитого окна.

Сатору поморщился, стряхнул осколок и слегка притопнул. Волна невидимой проклятой энергии разошлась во все стороны, мгновенно разметав обломки кирпичей и битую черепицу. Перед ним легла идеально чистая тропинка.

Называть это место Аркхемом теперь было глупо. В лучшем случае — историческими руинами. Вокруг громоздились лишь груды камней да обгоревшие балки. Никаких решеток, никаких палат. Какая уж тут лечебница.

Да и зачем она нужна, если Лорд Супермен попросту выжег тепловым зрением лобовые доли почти всем местным безумцам?

Конечно, если бы Сатору послушно выдал ему каждого умалишенного, его звали бы не Сатору Годжо, а марионеткой в руках безвкусно одетого криптонца.

Он перемахнул через завалы валунов и скользнул в зев темной пещеры, провожая взглядом угасающие лучи солнца. Тьма медленно заполняла подземный коридор.

— Вы сегодня припозднились, — раздался из глубины пещеры мягкий, бархатистый голос. Искривленный эхом сырого туннеля, он все же сохранял безупречную, врожденную изысканность.

— Я вообще-то навещаю опасного преступника. Тебе следовало бы нижайше благодарить великого господина Годжо за такую милость, — лениво отозвался Сатору, шагая навстречу мужчине, который сидел в единственной уцелевшей камере среди руин Аркхема.

— Судя по новостям, которые доходят до меня в последние дни, мне теперь уместнее величать вас «милорд»? — Пленник открыл глаза. Его карие зрачки тускло поблескивали в слабом электрическом свете, излучая мягкое, обманчивое тепло.

Случайный свидетель, зайдя сюда, решил бы, что какой-то безумный диктатор шулки ради запер в клетке утонченного джентльмена из высшего общества.

— Будешь язвить — я ведь и пришибить могу. Честно-честно, убью на месте! — Сатору брезгливо оглядел усыпанный пылью и каменной крошкой пол и просто завис в воздухе, усевшись по-турецки прямо на пустоту. — Гляди у меня, оставляю без обеда.

— Если бы вы действительно злились, то не приходили бы сюда каждый божий день, — Ганнибал Лектер тонко улыбнулся, глядя на парящего перед ним юношу.

Сатору лишь фыркнул.

Воцарилось долгое молчание. Не в силах усидеть на месте, Годжо перевернулся на бок, а затем и вовсе растянулся в воздухе во весь рост, медленно дрейфуя вокруг решетки. Время от времени он запускал пальцы в подшумки своего бэт-пояса, доставал оттуда печенье и лениво отправлял в рот.

Белая повязка на его глазах слегка съехала. Сатору по привычке потянулся поправить ее.

— Есть ли смысл прятаться от меня? — спросил Ганнибал, внимательно наблюдая за ним.

Рука Сатору замерла. Он усмехнулся — тихо, безмятежно.

— И то верно. Перед тобой притворяться глупо. Ты ведь и так все уже знаешь.

Он потянул за край ткани.

Белая лента соскользнула, открывая лицо. Но вместо бездонной, чистой небесной синевы Шести Глаз в глубине его зрачков клубился ядовитый, жуткий зеленый оттенок. Безумный оскал чужого разума.

Сатору прикрыл ладонью лицо и глухо рассмеялся:

— А цвет-то и впрямь паршивый. Глаза режет.

— Так вот почему Джокер скончался столь скоропостижно? — Ганнибал неторопливо поправил воротник.

— Скорее, это был его последний эксперимент. Он хотел проверить свою излюбленную теорию — о том, как «один плохой день» ломает человека.

Очевидно, эксперимент удался.

Эта тема явно увлекла Ганнибала. Он слегка подался вперед:

— С точки зрения психологии — как теоретической, так и прикладной — один-единственный по-настоящему ужасный день действительно способен стать поворотной точкой, определяющей всю дальнейшую судьбу. Но реакция всегда сугубо индивидуальна. Кто-то ломается и падает на самое дно, а кто-то вопреки всему восходит на пьедестал героя.

Намек Лектера был прозрачен до невозможности.

— И кем же стали вы? — Ганнибал достал из угла изящную фарфоровую тарелку и приборы. Столь изысканная утварь в сырой, темной камере выглядела верхом абсурда. — Насколько я могу судить, ваше душевное равновесие по-прежнему... весьма шатко.

— Подумаешь, какой-то паршивый Вирус Джокера, — Сатору опустил взгляд и тихо хмыкнул. — На мою обычную жизнь эта дрянь не влияет.

«Обычную жизнь?» — Ганнибал едва заметно приподнял уголок губ. Дела Лордов для него теперь обыденность? Особенно после того, как пришла весть о гибели старой Летучей Мыши.

— Уж точно получше, чем у нашего дорогого Супермена! — Сатору внезапно задрал голову и крикнул куда-то под свод пещеры. — У того после пережитого вкус в одежде испортился окончательно!

«После кончины Бэтмена контроль над его бывшими секторами переходит к Белому Ворону».

«Найтвинг и Красный Колпак до сих пор не вышли на связь. Согласно нашим прогнозам, высока вероятность их появления на публичной панихиде, которую жители Готэма устраивают в память о своем защитнике...»

Голос Киборга звучал ровно, монотонно, как у сломанного автомата. Он не отрывал взгляда от экрана планшета, но мысли его, казалось, витали где-то бесконечно далеко.

Лорд Супермен восседал во главе стола. Лицо его было каменным, суровым. Тот добродушный «синий гигант», которого когда-то в шутку звали преданным псом человечества, исчез без следа.

В зале заседаний Сторожевой Башни царила мертвая тишина.

Хэл Джордан сидел, скрестив руки на груди. Он делал вид, будто внимательно слушает доклад, но его взгляд то и дело соскальзывал на пустующее кресло — то самое, где больше никогда не зашуршит пакет с чипсами и не раздастся ленивый смешок.

— Тело Лютора уже начало разлагаться. Стоит убрать его с площади перед Башней. Жители жалуются на жуткий запах, — ровным тоном произнес Киборг.

Супермен постучал пальцами по столу, о чем-то раздумывая. Секундная морщина на его лбу вдруг разгладилась, а суровые черты лица неуволимо смягчились. Он негромко произнес:

— Хорошо. Снимите его. Но пусть люди помнят, какая участь постигла покойного президента,

когда он вздумал вступить в сговор с преступниками против собственного народа.

Показательная казнь. Назидание для живых.

Едва договорив, Супермен сорвался с места и белой молнией растворился в воздухе.

— С Белым Гигантом точно все в порядке? — Хэл Джордан по-свойски развалился в кресле, едва предводитель покинул зал. Лорд Супермен не запрещал им говорить откровенно, но с тех пор, как его классический синий костюм сменился стерильно-белым облачением, находиться рядом с ним стало невыносимо тяжело. Давление его ауры душило. Конечно, Кларк мог услышать их даже из космоса, но без его личного присутствия дышать становилось чуточку легче.

— Он ни разу не подал виду с тех пор, как пришла весть о смерти Бэтмена, — Диана бережно перебрала стопку отчетов, но ее пальцы на мгновение дрогнули. — Он ведь понимал, что Брюс перестал быть нашим соратником в ту самую секунду, когда публично выступил против Режима и возглавил Сопротивление.

Разумеется, Супермен все понимал.

Но годы дружбы нельзя было стереть из памяти одним росчерком пера. Их связывало слишком многое. Они ведь вместе воспитывали этих детей: Кларк помогал Дику с уроками, тайком таскал яблочные пироги для Сатору, разнимал их драки с Джейсоном, прятал от Брюса кофе Тима и тренировочные клинки Дамиана.

Он до сих пор помнил каждое выражение лица Брюса, даже то, как тот хмурился, выражая свое знаменитое безмолвное неодобрение.

Они стали врагами. Но это не означало, что он ненавидел этого упрямого ублюдка настолько, чтобы радоваться его гибели.

Ирония судьбы: из всей огромной семьи Бэтмена лишь Сатору Годжо остался на его стороне.

Белый плащ Лорда плавно опустился на серую пыль разрушенного Аркхема. Кларк медленно зашагал вперед, в глубь руин.

Его сверхчеловеческий слух уловил беззаботный голос Сатору, жаловавшегося пленнику на жизнь. Под ногами, глубоко под землей, лежали кости.

Сквозь пласты породы он видел останки Джокера. Точнее, то, что от них осталось после того, как Сатору буквально стер безумца в порошок. Брюс закопал прах своими руками, смешав пепел с пропитанной ненавистью землей и запечатав сверху древними заклятиями, чтобы никто и никогда не вздумал вернуть это чудовище к жизни.

Супермен шел беззвучно, сохраняя бесстрашие.

Когда Джокер бросил вызов всему человечеству и попытался раскрыть личности защитников Готэма, устроив трансляцию их жестокой казни, он должен был понимать: гнев Бога и гнев Шести Глаз — это не то, от чего можно скрыться. Особенно когда на кону стояли жизни тех, кто был Кларку дорог — его матери Марты, жителей Метрополиса.

Что бы Сатору ни думал о нем теперь, пока он не предает Режим — ради Метрополиса, ради Марты, ради выживания Земли в огне бесконечных войн — Супермен никогда не сочтет его врагом.

Для него Годжо тоже оставался сыном.

Вдруг до слуха донесся отчетливый плеск льющейся крови. Но сердцебиение Сатору оставалось ровным, без единого сбоя.

Супермен нахмурился и ускорил шаг.

Сатору, не прерывая светской беседы, лениво разглядывал свое предплечье, словно выбирая лучший кусок на мясном прилавке. Сконцентрировав проклятую энергию на кончиках пальцев, он полоснул по собственной руке, аккуратно срезая кожу и отделяя ломоть свежей, дымящейся плоти. Затем бережно опустил его на изящную тарелку перед Ганнибалом.

— Признаться, я бы предпочел кусочек с вашей щеки, — Ганнибал с безупречной грацией отрезал кусочек плоти серебряным ножом и отправил в рот.

— Еще чего! Мое великолепное лицо не для того росло, чтобы идти тебе на закуску, — Сатору скорчил рожицу и продолжил срезать мясо с предплечья, обнажая белую кость.

Кровь тонкой алой струйкой стекала на холодный пол, собираясь в лужицу. Годжо приподнял руку к свету, разглядывая обнаженный лучевой сустав.

Надо же, какие аккуратные кости. Действительно красивые.

Именно эту картину застал ворвавшийся в камеру Супермен. Увиденное острым ножом полоснуло по его глазам.

— Что здесь происходит?!

<http://bllate.org/book/19544/2004544>